

РЕДКО какой театр приезжал в Киев на гастроли с таким разнообразным, можно даже сказать пестрым репертуаром, как Центральный театр Советской Армии. Тут «Океан» и «Учитель танцев», «Барабанища» и «Моя семья», «Свет далекой звезды» и «Каса мара», «Яков Богомолов» и «Шоссе на Большую медведицу», спектакли программные и проходные, идущие в главном русле творческих интересов театра и, видимо, случайно попавшие на его афишу.

Одна из последних постановок театра — «Свет далекой звезды». Спектакль, созданный по одноименной повести А. Чакковского, несет в себе благородную идею, еще раз утверждает высокий гуманизм и романтическую открытость советских людей, их душевную целомудренность, кристальную чистоту и незыблемую верность. Возвышена и трогательна любовь летчика Завьялова к Оле, провешенная сквозь все кровавые годы войны. Он страстно заинтересован в судьбе девушки, поэтически размышляет ее, считающаяся пропавшей без вести. И что ж — оказавшаяся в живых после жестокой фронтовой страды, Оля перед самой долгожданной встречей погибает от случайного взрыва нового горючего, которое должно вывезти людей к миру далеких звезд. Так любовь Завьялова и осталась «светом далекой звезды», светом, который будет озарять ему весь жизненный путь.

История, рассказанная в повести, — возвышена романтична, возмужала. Но в испепеленке, сделанной скорее по методу обожарения, не удалось полностью сохранить живую душу повествования. Донесена больше внешняя сторона событий, да и то урезанная. Получился больше ин-

Знакомство не пройдет бесследно

формационный рассказ, чем глубоко драматическая пьеса. К тому же, в нарушении элементарных правил сюжетосложения, то, что сначала показывается, здесь часто потом вновь повторяется в виде рассказа.

Получив в свое распоряжение такой схематический материал, режиссер (И. Гаручава) и актеры, понятно, не могли представить героев во всем их внутреннем величии и очаровании. Как ни играть иллюстрации, статичности не избежишь. Не потому ли постановке недостает романтической приподнятости, поэтической взволнованности. К чести исполнителя главной роли Андрея Попова следует сказать, что его Завьялов — искренен, безыскусствен, по достоинству целован. К такой же внутренней средоточенности стремятся и другие участники спектакля — Г. Ляпин, Д. Сагал, А. Кутепов, Н. Ярин, Д. Пастухова. Тут наиболее зримо сказались те привычки углубленного сценического реализма, в духе которых долгие годы воспитывал коллектив тонкий и взыскательный художник Алексей Попов.

Эта покоряющая человечность, кстати сказать, заметна и в других актерских работах театра, в частности, в образе Василиды, гравиопроточно очерченной актрисой Л. Добржанской в спектакля «Каса мара», спектакле, как бы бытовом по материалу, но поэтическом по всей своей сценической атмосфере.

Особые заслуги имеет театр в утверждении пьесы М. Горького «Яков Богомолов», оставшейся после смерти великого писателя незавершенной и даже без названия. Выступая соавтором драматурга, театр дал широкой аудитории возможность познакомиться с неизвестным творением буревестника революции. Недописанная пьеса, и к тому же лишенная финала, в котором, как известно, наиболее яростно раскрыва-

На спектаклях Центрального театра Советской Армии

ется авторская позиция. — трудна для истолкования. Не потому ли вокруг «Якова Богомолова» возникло столько разных мнений и суждений? Очень часто ссылаются на «чеховское» в этой пьесе, на ее полноту, ощущение больше всего в образе центрального героя — гидротехника Якова Богомолова. Но стоит читать в текст пьесы, стоит вслушаться в живые, как всегда афористические реплики ее действующих лиц, чтобы сразу же заключить: это чисто горьковская пьеса — и по своему углубленному исследованию жизни, и по своей болевой проблемности, и по общему внутреннему темпераменту. То, что является внутренним лейтмотивом, философией многих пьес Горького — страстный спор между деятелями и потребителями жизни, — происходит и здесь: между инженером-мелиоратором Богомоловым и противостоящим ему миром собственников.

Театр в лице режиссера Б. Эрина, художника И. Сумбатовича и всего состава исполнителей сделал много, чтобы донести до зрителя идеи и образы пьесы. Режиссеру искусно помогали художник, особенно в оформлении рецензии Букеева, где разыгрываются основные события пьесы. Условные приемы, примененные здесь, вполне оправданы, имеют смысл. Это поэтический намек. Так же, как и на сцене, все как бы висит в воздухе. — Пустопорожничества жизни хозяев усадьбы. Недаром юная и чуткая Венечка с горечью констатирует: «Здесь все оклеветано друг за другом, а жизни нет».

Пьеса поставлена и выстроена с пониманием ее природы и поэтики. Особенно повезло образу Богомолова. Как выразительно и ярко игра-

ет его Андрей Попов! Артист внешне и внутренне расцвечивает образ мечтательного гидротехника — начиная от его полчиркутой интеллигентности и кончая всепоглощающей увлеченностью своим делом. Что составляет главную мысль пьесы? Об этом не даусмысленно говорит сам Богомолов: «Для счастья необходимо чувствовать радость труда». Яков, конечно, не борел по натуре. Но всем своим поведением он отвергает животную философию жанов, провозглашающих: «человек — это сытость», и утверждает красоту и радость творческого труда. Может быть, исполнитель излишне оттеняет странности героя, его отрешенность, наивность — то, что другие называли «бляжью», и не очень-то энергично подчеркивает положительные идеалы Богомолова. Но общий рисунок роли, как нам кажется, верен и живописен. Как далек мечтающий, поэтический Богомолов Попова от его же несколько ослепленного Завьялова. Вот что значит, когда актер получает в свое распоряжение выигранный драматургический материал. Тогда появляется и особая увлеченность работой.

Из других исполнителей спектакля следует отметить сочную игру В. Благообразова, нарисовавшего острый портрет обожженного бездельника и жуира Жана. Все остальные играют профессионально умело, уверенно, но без особого блеска.

Не совсем, думается нам, полно раскрыт актером Б. Ситко образ Николая Букеева, кончающего жизнь самоубийством. В театре Букеев несколько упрощен. Чтобы оправдать прозвучавший в финале выстрел, следует глубже раскрыть чувство тревоги, разочарования, недовольства, безыюности. Убедительнее показать внутреннее борение героя. Иначе самоубийство Букеева может быть истолковано только как угод-

из жизни из-за неразделенной любви. А ведь не в этом только дело. Человек чувствует выключенность своего существования, но выхода не видит.

Московские гости привезли с собой ряд постановок, придется сказать по вкусу зрителю, свидетельствующим о незаурядном режиссерском и актерском мастерстве («Океан», «Барабанища», «Юстина»). Будем надеяться, что успешно пройдет и впервые показываемая в Киеве пьеса И. Штока «Объяснение в неадекватности». Так что знакомство с коллективом Центрального театра Советской Армии не пройдет бесследно.

Но хотелось бы, чтобы гастроли москвичей были плодотворными и в другом отношении. Театр не раз декларировал свою приверженность к героико-патриотической теме, активно разрабатываемой и украинской советской драматургией с первых дней ее зарождения. Об этом, в частности, свидетельствует творческое наследие И. Кочерги, М. Кулиша, М. Ирчана, И. Михненко и других зачинателей украинской драматургии, традиции которых творчески развиваются и ныне нашими современниками. Но нельзя сказать, чтобы Центральный театр Советской Армии очень уж часто обращался к украинской драматургии. На его сцене ставились только пьесы А. Копнейчука и В. Собко. Следует думать, что состоявшаяся недавно встреча гостей с киевскими драматургами не окажется лишь актом вежливости, а даст практические плоды, положит начало новому в плодотворной дружбе, поможет пополнить репертуар и пьесами украинцев. Для театра, который ищет пьесы масштабные героико-романтические, драматургия Украины может оказаться весьма полезной.

Иосиф КИСЕЛЕВ.